

Научная статья
УДК 821. 161.1
doi: 10.17223/15617793/478/3

Роль первых российских надгробных речей конца XVII – начала XVIII в. в становлении жанра некролога

Екатерина Евгеньевна Надточий^{1, 2}

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия

² Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия
^{1, 2} nadtokaterina@gmail.com

Аннотация. Анализируются первые образцы российской надгробной проповеди: «Слова на смерть...», произнесенные на похоронах Ф.Я. Лефорта – ближайшего соратника Петра I, и у гроба первого российского императора. Выявляется место надгробной речи в ритуалах погребения, описывается ее семантика и поэтика. Делается вывод о появлении двух версий жанра – церковного поминального слова и светской речи, в дальнейшем выступившей прототипом для некролога.

Ключевые слова: надгробная речь, ритуальная культура, некролог, Петр I, Феофан Прокопович, слово на смерть, барокко

Для цитирования: Надточий Е.Е. Роль первых российских надгробных речей конца XVII – начала XVIII в. в становлении жанра // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 478. С. 21–29. doi: 10.17223/15617793/478/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/478/3

The role of the first Russian funeral sermons of the late 17th – early 18th centuries in the formation of the obituary genre

Ekaterina E. Nadtochi^{1, 2}

¹ Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

² Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
^{1, 2} nadtokaterina@gmail.com

Abstract. The article analyzes the first examples of funeral sermons delivered in Russia at the beginning of the 18th century: the speech of Pastor Stumpfius at the funeral of Franz. Lefort and “The Word for the Burial of Peter the Great” by Feofan Prokopovich, voiced during the burial of Peter I. The text regulating the ceremony of farewell to the emperor by the organizer of the funeral Ya.V. Bruce and “A Brief Tale of the Death of Peter the Great, Emperor and Autocrat of All Russia” by Feofan Prokopovich are also explored. The aim of this study is to learn what role the first funeral speeches played in the formation of the obituary genre in Russian literature. In the course of studying the materials, the author revealed that the most important of the innovations of the funeral ritual was the funeral memorial word, borrowed from the Protestant tradition. The funeral word in Russia existed in both secular and Old Believer culture. “Funeral Teaching on the Day of the Burial of General and Admiral Franz Yakovlevich Lefort” by Pastor Stumpfius speaks not so much about Lefort’s departure from life, but about death and virtue in general, about the importance of a righteous lifestyle. Stumpfius closely follows the Lutheran tradition of emphasizing apocalyptic semantics in the funeral sermon. The religious and didactic pathos of the sermon determined the subordinate role of political semantics. In addition, baroque motifs in Stumpfius’ sermons have parallels in the Russian medieval tradition. “The Word for the Burial of Peter the Great” was delivered by Feofan Prokopovich at the funeral of Peter I. The speech at the tomb of the emperor went beyond church rhetoric and the main subject was the secular state accomplishments of the late monarch. The most important component of church rhetoric – the significance of the Divine will and the justification of the right of the deceased to enter the Kingdom of Heaven – virtually disappeared from the speech. Prokopovich does not speak about the fate of the soul of the deceased at all. His audience is the subjects and family of Peter I, and the scope of the monarch’s accomplishments is the earthly and, moreover, political world. Prokopovich transfers the symbolism of the resurrection from the spiritual and religious plane to the state and political one. Thus, comparing the two speeches, we can say that the word for death at the beginning of the 18th century exists as a dynamic system, on the one hand, it is a form of a journalistic eulogy, where the main emphasis is placed on the sphere of socially significant achievements; on the other hand, it is a funeral sermon that describes the personal qualities of the deceased as merits before God. For the obituary, which was formed later, the first version is a proto-genre source.

Keywords: obituary, death, funeral sermon, ritual culture, Peter I, Feofan Prokopovich, eulogy, Baroque

For citation: Nadtochi, E.E. (2022) The role of the first Russian funeral sermon of the late 17th – early 18th centuries in the formation of the obituary genre. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 478. pp. 21–29. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/478/3

Системное изучение жанра некролога, как он представлен в русской литературе, еще не проводилось. В настоящее время можно найти лишь несколько работ, посвященных данной теме. Так, теоретик и историк журналистики А.А. Тертычный вписывает некролог в систему информационных жанров, где первостепенным является сообщение о факте смерти [1. С. 56]. Социолог литературы А.И. Рейтблат предложил рассматривать некролог как биографический жанр, в котором, на его взгляд, акцентирована, прежде всего, общественная полезность умершего [2. С. 196]. В числе историко-литературных исследований можно назвать работу Т. Кузовкиной, изучавшей контекст статьи Ф.В. Булгарина на смерть В.А. Жуковского [3] и сделавшей обзор некрологов, опубликованных в газете «Северная пчела» за 1830–1840-е гг. Кроме того, К.А. Онинко произвела анализ идей и поэтики первых русских некрологов Н.М. Карамзина и И.И. Борна на смерть И.Ф. Богдановича и А.Н. Радищева [4]. Однако эти исследования, по необходимости, оперируют ограниченным материалом и не претендуют на реконструкцию истории жанра в ее полноте.

Между тем изучение некролога связано, с одной стороны, с чрезвычайно актуальными междисциплинарными направлениями современных гуманитарных наук – исследованиями исторической памяти и персональной истории, мемориальной культуры, культурного канона, а с другой – с важными вопросами истории русской литературы, взятой и в своем эстетическом измерении, и в аспекте институциональном. Некролог фиксирует в памяти современников определенный образ ушедшего из жизни чем-либо примечательного лица и тем самым запускает в действие сложные процессы увековечивания или забвения, наращивания символического капитала (П. Бурдьё) или его уменьшения, последующей культурной канонизации или деканонизации. Появление некрологических текстов инициируется разными институтами литературы – литературными «патронами» (монархами, вельможами, меценатами, покровителями, начальниками и руководителями), дружескими сообществами, литературными группами и направлениями – и в сильной степени зависит от внутриинституциональной культуры. Сложно переоценить значение некролога как отправной точки вхождения в национальный литературный канон или исключения из него. Наконец, некролог является отражением эстетики и поэтики эпохи в ее сущностно важном вопросе репрезентации жизни и смерти.

Нужно учитывать и то, что некролог, в отличие от художественных жанров, не может существовать как автономное явление; он всегда глубоко включен в мемориальную культуру той или иной эпохи, которая, в свою очередь, отличается повышенной ритуализацией. Это определяет ракурс рассмотрения того периода, когда в русской культуре формируются предпосылки для становления некролога. Этот процесс, как справед-

ливо констатировали Т. Кузовкина и К.А. Онинко [3, 4], завершился только к началу XIX в., однако уже в XVIII в. появляются жанры, которые повлияли на генезис некролога. Они, в свою очередь, вырастали из новых элементов, появившихся в погребальной культуре России. Исследование последней сегодня преимущественно обращено к ритуалу и его эволюции в пределах определенных исторических периодов. Здесь наиболее масштабными и системными являются историко-культурологическая монография М. Логуновой «Печальные ритуалы императорской России» [5] и историко-антропологическая книга С. Мохова «Рождение и смерть похоронной индустрии. От Средневековых погостов до цифрового бессмертия» [6]. Они позволяют сделать вывод, что траурная церемония представляет собой комбинацию консервативных традиций и элементов, отражающих современные культурные, религиозные, политические и этические потребности. Становление культуры погребального обычая, которая частично сохранилась и сегодня в России, началось в период царствования Петра Великого. Именно первый император существенно преобразовал похоронный церемониал. Реформа погребального обряда была призвана продемонстрировать другим державам и собственным подданным успехи абсолютизма. Одним из важнейших элементов формирующейся похоронной культуры явилась надгробная речь. Ее идеология, риторика и поэтика в католической и протестантской традиции XVI–XVIII вв. разносторонне изучены, в том числе в контексте похоронного обряда в целом [7–14].

Надгробные речи или погребальные проповеди впервые начинают произносить в рамках похоронной церемонии в Европе раннего Нового времени. В протестантской традиции они постепенно становятся неотъемлемой частью траурного мероприятия. К XVI–XVII сложились два варианта этого словесного жанра с разной идеологией и риторикой: протестантская надгробная проповедь, где акцент делался на фиксации коллективной памяти о покойном как свидетельстве его добропорядочной жизни – залоге воскресения во Христе, и траурная речь, более свободная по семантике, насыщенная античными реминисценциями и выражающая скорее рефлексию о смерти, нежели об успехе. В погребальной проповеди, закономерно, особое внимание обращалось на личные религиозные качества умершего, определившие его праведную жизнь, что усиливало биографические интенции и подготавливало почву для будущего светского некролога. Надгробные речи, появившиеся в России в начале XVIII в., стали не только отражением культурной картины мира эпохи Петра I, но и определили основы мемориальных жанров литературы, став для некролога протожанровым источником.

Целью данной статьи является выяснение того, какую роль сыграли первые надгробные речи в

формировании жанра некролога в русской словесности.

Похоронный обряд, сформированный по инициативе первого императора России, был синтезом русских национальных культурных практик, в свою очередь соединивших языческую обрядность с православным ритуалом, и заимствований из западноевропейских похоронных церемоний. В XVII в. церемония погребения на Руси представляла собой быстрое захоронение тела, как правило, проводившееся на следующий день после смерти, и включала плач и причитания, целование умершего или его гроба. Поминальная культура строилась вокруг идеи путешествия души, согласно которой почитать усопшего было положено на третий, девятый и сороковой день после кончины.

«Европеизация» России, которую Петр I проводил в рамках своих реформ, коснулась и культурных традиций – ритуалов и обрядов. Император проявил особый интерес к изменениям в похоронных мероприятиях. Новые правила погребения были впервые апробированы в марте 1699 г. при похоронах ближайшего друга императора и его сподвижника Ф.Я. Лефорта. «В этих похоронах были намечены те детали реформирования траурного ритуала, который отрабатывался на протяжении всего царствования Петра I и нашли свое отражение при его собственном погребении» [5. С. 91].

Так, в похоронной процессии впервые приняли участие гвардейские Преображенский, Семеновский и Лефортовские полки, что с течением времени стало обязательной частью траурной церемонии. В траурном cortege в первый раз задействовали рыцарей. «Один рыцарь – в золотых доспехах с ярким плюмажем и поднятым мечом, едущий на лошади, другой – в черных доспехах и черным пучком страусовых перьев на шлеме, следующий пешком с опущенным мечом» [5. С. 91]. Образ жизни воплотил рыцарь в золотых доспехах, а образ смерти – в черных латах. Этот символ прочно вошел в традицию светских похорон и трактовался как демонстрация преемственности власти. Латник в золотых доспехах был рыцарем нового императора, а латник в траурных доспехах являлся рыцарем умершего монарха¹. В первый раз в церемонии прощания приняли участие женщины и представители дипломатического корпуса, кроме того был произведен оружейный салют, который в дальнейшем сочетали с колокольным звоном.

Важнейшей из новаций похоронного ритуала стало надгробное поминальное слово, заимствованное из протестантской традиции. О значении похоронной проповеди в западноевропейской культуре говорит С. Мохов: «Похоронная проповедь и молитва становятся своего рода публичным воспоминанием об умершем с перечислением его заслуг и оценкой его дел» [6. С. 48]. В России надгробное слово впервые произнесли на похоронах Ф.Я. Лефорта. Пастор реформаторской церкви Немецкой слободы Стумпфиус подготовил речь на текст из Библии. «Надгробное поучение в день погребения генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта» начиналась с цитиро-

вания восьмой главы Экклезиаста: «Несть человека, владущего духом, еже възбранити духу, и несть владущего в день смерти» («Человек не властен над духом, чтобы удержать дух, и нет власти у него над днем смерти»; Еккл. 8:8).

Подобное вступление было свойственно богобоязненной культуре начала XVIII в., когда рефлексия смерти могла существовать только в религиозной картине мира. Необходимо отметить, что Стумпфиус, говорит не столько об уходе из жизни Лефорта, сколько о смерти и добродетели вообще, о важности праведного образа жизни: «Не властны мы и над смертью: она не щадит ни сильных, ни юных, ни красоты, ни безобразия, ни добродетели, ни порока, и много мог бы я привести тому примеров; но, повинувшись державной воле, не стану широко распространяться; только одно упомяну: трепещите Страшного суда, готового ежечасно поразить вас», «Суетный человек! Взгляни на сей гроб и размысли, где твоя гордость и надменность? Ты более не что, как перст, земля и прах, восходящий и рассыпающийся дым, улетающий прах; вся твоя жизнь подобна вчерашнему дню, который миновал и никогда не возвратиться» [16. С. 266]. В надгробной речи Лефорту можно обнаружить характерные для культуры барокко темы Страшного суда, плясок смерти, загробных мучений². Стумпфиус в этом плане близко следует лютеранской традиции, акцентирующей в погребальной проповеди апокалиптическую семантику: смерть и погребение здесь выступали лишь поводом для хвалы Всевышнему, спасающему усопшего от тленности земного мира и воскрешающему его в мире вечном.

Для пастора Стумпфиуса показать истинное горе из-за смерти важнее, чем восхвалять Лефорта. «Красноречивых похвал ему от меня не ждите: я могу только плакать. Когда сердце преисполнено любви или печали, возмущенный ум не в силах утешить вас струями избранных слов» [16. С. 268]. В речи присутствует лишь самое общее описание личных качеств покойного, который заслуживает почитания и уважения. «Усопший господин, прошедший все степени честей человеческих, на высоте славы своим разумом и талантом так себя держал, что ветры гордых страстей не могли его низринуть» [16. С. 269]. Образовая жизнь Лефорта, описанная в надгробной речи, также соотносится с протестантской традицией похоронной проповеди. В частности, П. Притчард пишет о важности репрезентации жизненного опыта умершего. «Одна из очевидных задач протестантской похоронной проповеди, то есть увещевание живых через повествование об образцовых духовных деяниях ныне умерших, решается служителем, изображающим покойного как человека, характер и поведение которого заслуживают особого внимания читателей в отношении их собственной жизни» [12. С. 253]. Стумпфиус представляет Лефорта как человека сильного духом. Душа, по словам пастора, сотворена на небе Господом Богом и существует в разуме и воле человека, она, в отличие от человеческого тела, бессмертна. Именно сила духа является определяющим качеством личности, и именно душа помогает примириться со смер-

тью. «Храните же, люди Божьи, это драгоценное сокровище, не златом гибнущим, но кровью Христа Спасителя искупленное; храните свою душу, красотою безсмертия украшенную, ангелом подобную в частоте непорочной, и не оскверняйте ее ни зловредными грехами, ни плотскими страстями: вы над нею не властны» [16. С. 267]. Первая надгробная речь была закончена поучениями о благодетельной жизни ради блаженной смерти.

Религиозно-дидактический пафос проповеди определил подчиненную роль политической семантики: несмотря на то, что Лефортов был важным сановником и государственным деятелем, его общественным заслугам посвящено минимум внимания, причем они растворяются в похвале самодержавной власти в целом. Стумпфиус акцентирует роль «Его Царского Величества» в жизни умершего, значимость Лефортова определена его близостью с царем. «Но память его не умрет: незабвенно и вечно пребывает имя Царского Величества, доколе солнце не перестанет обходить небесный круг над горизонтом Российской Монархии; не угаснет имя и сего великого министра: ибо все мы знаем, что Его Царское Величество было ему свет, жизнь, щит, радость и на земле сей небо» [16. С. 268]³.

Император Петр I умер 28 января 1725 г., его похороны состоялись в марте и вместили в себя все новые элементы траурного обряда. «Впервые подготовкой похорон императора занималась специально созданная Печальная комиссия, пришедшая на смену Панафидному приказу. Разработка программы траурных мероприятий была поручена одному из наиболее просвещенных людей своего времени, Якову Великовичу Брюсу, возглавлявшему печальную комиссию и выбиравшему себе помощником генерала Г.И. де Бона» [5. С. 124]. Церемониал погребения Петра I уже неоднократно становился предметом внимания историков [19; 20. С. 112–116; 21; 22]. Масштаб ритуала прощания, пышность его организации и оформления соответствовали традициям культуры барокко, в рамках которой театрализация смерти монарха, включавшая, помимо похорон, еще и годичный траур, насыщалась природно-космической, мифологической и исторической символикой.

Важным элементом ритуала выступила и надгробная проповедь. Траурная процессия прибыла к деревянной церкви Петропавловского собора, где у гроба первого российского императора была отслужена панихида. Следом архиепископ Псковский и Нарвский, вице-президент Синода Феофан Прокопович произнес надгробную речь, которая постоянно прерывалась плачем и продлилась почти час. Несмотря на очевидный успех своего «Слова», Прокопович построил его с очевидным отступлением от риторических канонов, которые подробно объяснял еще студентам Киево-Могилянской академии в 1706–1707 гг.:

1. Уся суть цієї промови – похвалити померлого всякими способами. <...>

2. Вступ повинен бути дещо довшим. У ньому оплакуватимемо і наш біль, і шкоду, якої зазнала

державна або церква з приводу смерті такого мужа <...>

Далі треба перейти до похвал мужа <...>. Якщо ж розглядали б ми його заслуги перед державою і потреби держави, то скажемо, що він ніколи не міг так довго жити, щоб його не потребувала батьківщина, але він заслужив, щоб ніколи не вмирати.

4. Потім треба похвалити все життя або природним способом за поодинокими періодами віку, або необхідно розподілити за певними родами чеснот. <...>

6. Під кінець знову згадаємо про біль, а при цьому зразу наведемо втішне слово для рідних. У ньому скажемо, що вони не повинні так дуже впадати в розпач, бо досить славно жив цей муж, залишивши їм велику честь, що Бог покликав його для нагород тощо. <...>

7. Ще ми зможемо додати двоякі побажання: по-перше, молити Бога, щоб, коли його від нас забрав, то прийняв у лоно свого милосердя; по-друге, щоб послав батьківщині або церкві якнайбільше таких мужів⁴ [23. С. 398–399].

Причиною подібних преобразовань, очевидно, явилось жанрове различчє: в курсє риторики рєчє шлє о церковної поминальної рєчє, пусть и посвєщенної свєтському лицу, в св'язи з чєм на первий план должні були вивдигатись рєзличні добродєтели усопшого, потвєрждєючіє єго право кєк на вєчнє блажєнство, так и на скорбь и пам'ять близких; «Слово на погребєнє Петра Великого», дєжє будучи проиєсенним духовним лицєм, виходило за прєдєлы церковної риторики и основним прєдметом имєло свєтськіє государствєнніє свєршєнєя покойного монарха. Подобная трансформация, по наблєдєниям Н.Д. Кочєтковой, была свойствєнна всєй ораторской прозє Фєофана Прокоповича 1710–1720-х гг., приобрєтавшєй чєрты политическєй публицистики [24]. Справдєливы в єтом контекстє и наблєдєния А.Ю. Прокопєва, возведшего текст центральної чєсти «Слова» к європейским традициям «государєвых зєрцєл», кодексєв добродєтелей царствєнных особ [25. С. 72].

Єти интєнции опрєдєлили семантико-коммунікативнує ориєнтацию рєчи. Из нєє фактичєски иєчєзла важнєйшая составляющая церковної риторики – библєйское слово кєк прямєє знамєнованє Божєствєнной воли и обоснованє права усопшого на вхождєнє в Царствє Нєбєсное. Бог в «Словє» прєдстєєт лишь кєк инстанция, даровавшая подданным великого монарха и в гнєвє своєм отнявшая єго: «Довольно жє видим, коль прогнєвали мы Тєбє, о Божє наш! И коль раздразжили долготєрпєнє Твое! О недостойных и бєдных нас! О грєхов наших бєзмєрия!» [26. С. 53]. Мєждє тєм об учєсти души усопшого, в отлїчєє, напримєр, от проповєди Стумпфиуса на смєрть Лефортова, Прокопович нє гєворит вєсє. Єго аудитория – подданные и сємья Петра I, а сфера свєршєний монарха – земной и, болєє того, политический мир. Именнє в нєм усилиями государя формирєтєся сакральнєє измєрєнєє, выступающее своєобраз-

ной аналогией и альтернативой Царства Божия, – измерение вечности. Это оправдывает контрастный риторический переход от темы боли и утраты, приобретающей ощутимое апокалиптическое звучание, к искуплению и отмене апокалипсиса величием и бессмертием дел Петра I: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребает! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам приведение? О, как истинная печаль! О, как известное наше злоключение! Виновник бесчисленных благополучия наших и радостей, воскресивший аки от мертвых Россию и воздвигший в толикую силу и славу» [26. С. 53].

Символика воскресения переносится Прокоповичем из плоскости духовной и религиозной в государственную и политическую. Телесная смерть монарха оставляет бессмертным его дух, воскресающий в соборном единстве империи. Такой кодой заканчивается перечисление важнейших свершений Петра Великого: «Не весьма же, россияне, изнемогаем от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимую, любима и будет; сделал врагом страшную, страшная и будет; сделал на весь мир славную, славная и быть не престанет. <...> Убо оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам» [26. С. 54]. Семантика будущего, превращающегося в вечность, не просто преодолевает апокалиптический момент смерти, но и вовлекает в свою сферу всю аудиторию, переживающую в качестве подданных в момент произнесения речи преобразование горя-смерти в утешение-воскресение. И прямым воплощением этого искупления предстает в финале речи образ императрицы-наследницы, все качества которой рисуются эквивалентными духу и делу Петра Великого, а с другой стороны – соразмерными соборному телу и духу вечной России: «Како бо весьма осиротелых нас наречем, когда державное его наследие видим, прямого по нем помощника в жизни его и подобноравного владетеля по смерти его, тебе, милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героиня, и монархиня, и мать всероссийская! Мир весь свидетель есть, что женская плоть не мешает тебе быть подобной Петру Великому. Владетельское благоразумие и матернее благоустройство, и природою тебе от Бога данное, кому не известно! А когда обое то утвердилось в тебе и совершилось, не просто сожитием толикого монарха, но и сообществом мудрости, и трудов, различных бедствий его, в которых чрез многая лета, аки злато в горниле искушенную, за малое судил он иметь ложа своего сообщницу, но и короны, и державы, и престола своего наследницу сотворил. Как нам не надеяться, что сделанная от него утвердишь, недоделанная совершишь и все в добром состоянии удержишь!» [26. С. 54].

Таким образом, Прокопович в своем «Слове на погребение Петра Великого» создал, по сути, новый для

русской литературы жанр – светскую надгробную речь, в которой от церковного риторического канона осталась только общая композиция: вступление с описанием горя утраты, перечисление добродетелей и свершений усопшего и заключение-утешение. Еще одним отголоском канона явились сопоставления императора с персонажами Ветхого Завета: Самсоном, Иафетом, Моисеем, Соломоном, Давидом, а также с римским императором Константином. Поскольку это не сопровождалось апелляцией к собственно библейскому тексту, герои также проецировались скорее в поле общекультурных аллегорий, воплощающих те или иные общественно важные добродетели. Не менее значим здесь и подразумеваемый риторический эффект барочного приема отражения: «Сплетая сюжетные мотивы, объединяя героев, в зависимости от отражения ими “высших” значений, мастера барокко распространяли интерпретации, предпочитали их изображению» [27. С. 82]. В послепетровскую эпоху церковные надгробные речи, разумеется, не исчезли из обихода, их содержательный обзор представлен, в частности, в статье М.К. Парамоновой [28], но их сферой становится семья и частная жизнь, а семантика и поэтика обусловлена задачами религиозного утешения. Жанровый образец светской надгробной речи, предложенный Ф. Прокоповичем, обращал к общественной жизни и публичному полю, что позволяет его рассматривать как своеобразный прототип будущего некролога.

А.Ю. Прокопьев, анализируя влияние на погребальный церемониал Петра Великого протестантских и католических традиций, акцентировал и тот факт, что, как правило, итогом траурных мероприятий становилось роскошное издание «ансамблевого» характера, куда включалось подробная программа церемонии, речи, произнесенные на погребении, и комплекс живописных материалов, представлявших ритуал воочию [25. С. 77–78]. В условиях траурного 1725 г. опубликовать подобный альбом не удалось, и его разрозненными частями явились издание, с одной стороны, речей Ф. Прокоповича, а с другой – «Описание порядка, держанного при погребении блаженной высокославной и вечно достоинейшей памяти всепресветлейшего державнейшего Петра Великого, императора и самодержца всероссийского и блаженной памяти ея императорского высочества государыни цесаревны Наталии Петровны» [29]. Его автором являлся Яков Виллимович Брюс, главный организатор и распорядитель похорон, глава Печальной комиссии.

По приказу императрицы Екатерины I «Описание...» Брюса было опубликовано малым тиражом в Санкт-Петербургском сенате в 1725 г. и в типографии в Москве в 1726 г. В европейской традиции основой таких текстов, как правило, выступали протоколы, подготовленные службой придворных штатов. А.Ю. Прокопьев указал на факт заимствования схожих структурных и речевых особенностей: «Именно калькирование терминов недвусмысленно указывает на протестантскую традицию: траурное убранство всюду величается “печальной залой” (“castrum

doloris”) в полном соответствии с обычаем немецких протестантских дворов, прежде всего Дрездена и Берлина» [25. С. 67].

Специфика жанра, ориентированного на развернутый и детализированный экфразис, то есть описание убранства «печального» зала и порядок погребальной процессии, смещала интерес со смерти и самой личности императора на символику интерьера и ритуала, которая, в свою очередь, отражала коллективный миропорядок. Петр Великий здесь буквально «растворялся» в смоделированном устройстве универсума и, подобно логике надгробной речи Феофана Прокоповича, переходил в вечность бессмертных символов, причем не столько символов христианского посмертия с его спиритуальностью, бесплотностью, сколько символов земной славы и великолепия – с их барочной избыточностью, яркостью, живописностью.

Так, детально воссоздана сначала картина печальной залы, а затем траурного шествия: «Сверх трона вышины в 14 футов, поставлен был пребогатою балдахин, зделан из кармазинного бархата, снаружья и внутрь украшен пребогатым шитьем золотым, у которого подзор золотой был наилучшей работы, с великими кистями и бахромою золотую, середина балдахина была украшена связным имянем Его императорского Величества из золотаж, обложена разными богатыми и шитыми узорами и галуном золотым, такожде и по середине больших навесов были связаны имена Его Императорского Величества, середина ж переднего навеса, украшена была орлом Императорским, шитым золотом и голуном золотым. <...> В позлащенных латах из штальмейстеров Козма Теремницкой ехал на лошади с обнаженным мечом, на лошади седло шитое с богатым убором у того латника на шлеме, также и у лошади на голове и на хресте плюмажные кусты из красных и белых перьев, по обе стороны его шли два драбанта в черном платье и епанчах с алебардами» [29. С. 19]. Личность Петра I в «Описании» выходит на первый план только в цитировании траурных надписей на стоящих в печальной зале «трофеях». Они были посвящены тем сферам жизни русского общества, которые подверглись преобразованиям императора – церковь, флот, армия, гражданское общество. Так, например, надпись на церковной трофеи описывает императора как «Ревнитель благочестия, рачитель исправления, суеверия и лицемерия ненавистник...» [29. С. 7], на скульптуре «о исправлении гражданства» сказано о монархе, что «Он тебе уставы правительскими мудрую, законы судебными здравую и искусства различием благообразно сотвори» [29. С. 7]. Содержание надписей еще раз отсылает нас к надгробной речи Петру I.

Сам феномен смерти в тексте «Описания» не осмысливается, этого не предполагают ни стиль повествования, ни его жанровые особенности. Однако он стал отдельным предметом в «Краткой повести о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского» Феофана Прокоповича, которую можно рассматривать как своеобразный постскриптум к погребальному циклу. «Краткая повесть» не была своевременно опубликована и распространялась

в списках. Первое ее издание вышло только в 1819 г. (переиздана в 1831 г.)

Повесть имеет предисловие, где автор объясняет цель своего текста. «Да тщательно и верно смерть нашего Монарха изъясним, о чем никогда довольно плакаться не можем; сего от нас величество мужа требует: ибо таковых людей, которых житие нам во удивление было, какова и смерть им приключилась, всячески природным любопытством ведать и ищем и желаем» [30. С. 1]. Это отличительная особенность не встречается ни в одном из других посмертных текстов о Петре I. Однако такой элемент часто встречается в агиографии. Авторы жития нередко обращались к вступительным конструкциям.

Например, в житии Симеона Столпника читаем: «Возлюбленные, у меня, грешного ученика Антонина есть желание описать странное и дивное житие, которое в наши лета совершил Симеон. Ибо сказание о нем исполнено пользы и поощрения. Итак, приклоните, прошу, уши ваши и услышите от меня, что я видел и осязал» [31. С. 18]. Автор сосредоточен на повествовании о последних днях жизни Петра I. Предшествующая болезнь, печаль придворных, предсмертные муки и причащение также важны, как и описание погребения, именно эти элементы текста сближают образ императора с героями житийных текстов. Важной деталью являются предсмертные слова Петра I, в которых он говорит об «умиловании Господа». «И когда увещатель говорил ему: уповал бы он без всякого сумнительства на милосердие Божие, верил бы, что подается отпущение грехов и благодать жизни вечная заслугами Хрестовыми; он на сие: верую и уповаю, несколькократно повторил, и когда еще увещатель к молитве веры возбуждал и сказывал сии слова, которые обыкновенно у нас приступающие ко Святому причащению говорят: верую Господи и исповедую, яко ты еси воистину Христос Сын Бога живого, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый аз есмь; к сему он прибавил: верую господи и исповедую, верую Господи, помози моему неверию!» [30. С. 11].

Образ Спасителя является умирающему монарху в последние минуты, когда несмотря на мучительную болезнь Петр пытается креститься и «на небо показывать понуждал себя». Данный эпизод подробно анализирует А.Ю. Прокопьев. По его мнению, для Прокоповича важно показать близость смерти, которая соединяет душу императора с Христом: «Последние минуты жизни монарха представлены Прокоповичем, как уже начавшаяся в еще земной жизни молитвенная беседа царя земного и царя небесного: слабеющий Петр совершает целую симфонию жестов, напрягает последние силы, дабы предстать перед Христом истинно верующим христианином» [25. С. 76]. Таким образом, Прокопович в «Краткой повести...», используя элементы духовной проповеди, возвращается к житийной канонизации умершего. Политическая составляющая отходит на второй план, уступая место религиозному переживанию смерти.

Однако нельзя говорить о полном нивелировании политической повестки в тексте повести. Провозглашая право Петра I на Царствие Небесное, Прокопович леги-

тимирует восшествие на престол его жены Екатерины. Горе, которое переживает императрица, «изобразить словом невозможно». При этом сразу после эпизода смерти императора следует фрагмент описания собрания, где Сенат и Синод определяют претензии Екатерины на престол. «Так и сделалось: тотчас по оной печальной ведомости Сенаторы вси, и от Синода четыре персоны, сколько на тот час во дворце ночевало, а кроме трех и Генералитет и неции из знатнейшаго шляхетства в едину комнату в палатах собрались, и прежде всего о наследнице произошло слово» [30. С. 15–16].

Важным моментом здесь становится упоминание воли уже умершего царя, который, короновав Екатерину, определил ее как наследницу царского престола. «Но тогда некто вспомнул, с каким намерением Государь супругу свою короновал, то есть, еще предле похода Персидского открыл он мысль свою четверем из Министров, двоим из Синода персонам, здесь присутствующим, и говорил, что тая нужда короновать ему супругу свою, (которого обычная прежде в Россия не бывало) что аще бы каким случаем его не стало, праздный престол тако без наследника не остался бы, и всякая вина мятежей и смущений благовременно пресечена быть могла бы» [30. С. 16–17].

Таким образом, Феофан Прокопович, выстраивая посмертный образ императора, определяет его границы в общественно-политическом ключе – в надгробном слове и личностном контексте – в «Краткой повести...». В связи с этим можно говорить о том, что слово на смерть в начале XVIII в. существует как динамическая система. С одной стороны, это форма публицистического (светского) надгробного слова, где главный акцент поставлен на сфере социально значимых достижений, с другой – это надгробная проповедь, где личностные качества умершего описаны как заслуги перед Богом.

Анализ первых надгробных речей, произнесенных в России в первой четверти XVIII в., показывает, что этот жанр на этапе своего становления неотделим от ритуальной культуры. Для некролога, сформировавшегося позже, он будет являться протожанровым источником, определившим двойственное начало посмертного текста как ритуального и публицистического (или художественного). Барочная культура, отразившаяся в отношении к смерти и умершему, определила зависимость надгробной речи от актуальных культурных и социальных трансформаций в обществе.

Примечания

¹ См. подробнее о роли рыцарской символики в похоронном обряде петровской эпохи [15. С. 38–45].

² Барочные мотивы в проповеди Стумпфуса имеют параллели в русской средневековой традиции, в частности в дораскольном чине погребения («Чин погребения мирских человек», XVI в.). Однако, во-первых, вряд ли немецкий пастор был знаком с этими иноконфессиональными текстами, а, во-вторых, культура барокко многое заимствовала из средневекового опыта, придавая ему, тем не менее, иное звучание. Так, в «Чине погребения мирских человек» доминирует семантика суетности земной жизни, однако нет особого акцента на апокалиптике.

³ Традиция надгробного слова в России существовала также в старообрядческой культуре. Так, в литературном наследии Выговского старообрядчества воспоминания об усопшем присутствовали в поминальной проповеди, которая произносилась как в день погребения, так и на сороковой день после смерти. В проповеди доминировала барочная поэтика, сочетавшаяся с архаичными формами фольклорного причитания. Ярким образцом ее является Слово надгробное Петру Прокопьеву, созданное Андреем Денисовым и произнесенное в 1719 г. «Литературные произведения Андрея Денисова строились на обязательном применении правил риторики и на протяжении всего периода существования Выговской школы сохраняли авторитет образцовых» [17. С. 29]. В его надгробном слове находят отражение идеи вечности, преодоления смерти и обновления. Описание кончины усопшего и его последующей вечной жизни в памяти потомков определяет контекст святости. Так, О.Д. Журавель отмечает, что автор слова неоднократно вводит в текст мотивы, заимствованные из топики житий преподобных [18. С. 140]. Эффект обновления, «поновления» возникает в тот момент, когда живые, читающие или слушающие надгробную проповедь, вспоминают об умершем и тем самым прикасаются к идеалу святости. Образ умершего соотносится с образами героев агиографических текстов. Тем не менее старообрядческая надгробная проповедь осталась в истории русской словесности локальным явлением и не определила в сколько-нибудь значительной степени генезис светского жанра некролога.

⁴ 1. Вся суть этой речи – похвалить умершего всячески <...>.

2. Введение должно быть несколько длиннее. В нем оплакиваемы и наша боль, и ущерб, который понесло государство или церковь из-за смерти такого мужа <...>

Далее следует перейти к похвалам мужа <...>. Если же рассматривали бы мы его заслуги перед государством и потребностями государства, то скажем, что он никогда не мог бы жить так долго, чтобы в нем не нуждалась родина, или он заслужил, чтобы никогда не умирать.

4. Затем надо похвалить всю жизнь или естественным способом по отдельным периодам возраста, или необходимо распределить по определенным родам добродетелей. <...>

6. Под конец снова вспомним о боли, а при этом сразу скажем утешающее слово для родных. В нем скажем, что они не должны так сильно отчаиваться, потому что достаточно славно жил этот человек, оставив им большую честь, что Бог позвал его для наград и тому подобное. <...>

7. Еще мы сможем добавить двойные пожелания: во-первых, молить Бога, чтобы, когда его от нас забрал, то принял в лоно своего милосердия; во-вторых, чтобы послал родине или церкви больше таких мужей.

Список источников

1. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2006. 312 с.
2. Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.
3. Кузовкина Т. Некролог Булгарина Жуковскому // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. Вып. 3. С. 276–293.

4. Онипко К.А. Первые русские некрологи: герои и контексты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1 (170). С. 83–87.
5. Логунова М.О. Печальные ритуалы императорской России. М. : Центрполиграф, 2011. 349 с.
6. Мохов С.В. Рождение и смерть похоронной индустрии. От средневековых погостов до цифрового бессмертия. М. : Common place, 2018. 328 с.
7. Winkler E. Die Leichenpredigt im deutschen Luthertum bis Spener. München : Kaiser, 1967. 247 S.
8. Studien zur deutschsprachigen Leichenpredigt der frühen Neuzeit / Hrsg. von R. Lenz. Köln : Schwarz, 1981. 275 S.
9. Lenz R. De mortuis nil nisi bene? Leichenpredigten als multidisziplinäre Quelle. Sigmaringen : Thorbecke, 1990. 188 S.
10. Lenz R. Leichenpredigt // Theologische Realenzyklopädie / Hrsg. von G. Müller. New York ; Berlin : de Gruyter, 1990. S. 697–699.
11. Eybl F.M. Leichenrede // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / Hrsg. von G. Ueding. Tübingen : Academic, 2001. Bd. 5. S. 145–151.
12. Pritchard P. “Speaking Well of the Dead”. Characterization in the Early Modern Funeral Sermon // Narrative Concept in the Study of Eighteenth-Century Literature / Ed. by L. Steinby, A. Makikalli. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2017. P. 249–268.
13. Koslofsky C. The Reformation of the Dead. Death and Ritual in Early Modern Germany, 1450–1700. London : Palgrave Macmillan UK, 2000. 223 p.
14. Прокопьев А.Ю. “Zur letzten Ehre”. Погребальная обрядность протестантских дворов Германии в Раннее Новое время // Университетский историк : Альманах. СПб : Изд-во СПбГУ, 2003. Вып. 2. С. 85–112.
15. Николаев С.И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб : Дмитрий Буланин, 1996. 152 с.
16. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. Путешествие и разрыв с Швецией. СПб : Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858. 662 с.
17. Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общеземельства. М. : Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 688 с.
18. Журавель О.Д. «Походим умным очима...» (к изучению традиции поминовения в литературе старообрядчества) // Уральский сборник: история, культура, религия. Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2009. Вып. 7, ч. 2. С. 134–144.
19. Агеева Е.О. Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII в. // Феномен Петербурга. Международная научная конференция. СПб : Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2001. С. 491–505.
20. Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М. : ОГИ, 2002. Т. 1. 608 с.
21. Прокопьев А.Ю. Погребение Петра Великого: протестантский стандарт в православной России // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы международной научной конференции, декабрь 2006. СПб : Изд-во СПбГУ, 2007. С. 47–67.
22. Аронова А. Императорский финал: Погребение Петра I как последнее придворное торжество государя-реформатора // Искусствознание. 2007. № 3–4. С. 108–142.
23. Прокопович Ф. Філософські твори. Київ : Наукова думка, 1979. Т. 1. 508 с.
24. Кочеткова Н.Д. Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Ленинград : Наука, 1974. Сб. 9. С. 50–80.
25. Прокопьев А.Ю. 1725 год и опыт мемориальных изданий в Российской империи // Российская история. 2017. № 3. С. 59–79.
26. Прокопович Ф. Сочинения / под ред. И.П. Еремина. М. : Ленинград : Изд-во АН СССР, 1961. 507 с.
27. Софронова Л.А., Липатов А.В., Рогов А.И. Барокко в славянских культурах. М. : Наука, 1982. 352 с.
28. Парамонова М.К. Жанр надгробного слова в русской ораторской прозе второй половины XVIII в. // Litera. 2016. № 4. С. 17–23.
29. Описание порядка, держанного при погребении блаженной высокославныя и вечно достоинейшия памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великого, императора и самодержца всероссийского и блаженной памяти Ея Императорского Высочества государыни цесаревны Наталии Петровны. СПб : При Сенате, 1725. 34 с.
30. Прокопович Ф. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора всероссийского. СПб : Тип. И. Глазунова, 1831. 120 с.
31. Лопарев Х.М. Греческие жития святых VIII–IX веков: опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической или историко-литературной. Ч. 1. Петроград : Типография Императорской Академии наук, 1914. 568 с.

References

1. Tertychnyy, A.A. (2006) *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of periodicals]. Moscow: Aspekt Press.
2. Reytblat, A.I. (2014) *Pisat' poperek: Stat'i po biografii, sotsiologii i istorii literatury* [Writing across: Articles on biography, sociology and literary history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Kuzovkina, T. (2004) Nekrolog Bulgarina Zhukovskomu [Bulgarin's obituary to Zhukovsky]. *Pushkinskie chteniya v Tartu*. 3. pp. 276–293.
4. Onipko, K.A. (2018) Pervye russkie nekrologi: geroi i konteksty [The first Russian obituaries: heroes and contexts]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (170). pp. 83–87.
5. Logunova, M.O. (2011) *Pechal'nye ritualy imperatorskoy Rossii* [Sad rituals of Imperial Russia]. Moscow: Tsentrpoligraf.
6. Mokhov, S.V. (2018) *Rozhdenie i smert' pokhoronnoy industrii. Ot srednevekovykh pogostov do tsifrovogo bessmertiya* [The birth and death of the funeral industry. From medieval churchyards to digital immortality]. Moscow: Common place.
7. Winkler, E. (1967) *Die Leichenpredigt im deutschen Luthertum bis Spener*. München: Kaiser.
8. Lenz, R. (Hrsg.) (1981) *Studien zur deutschsprachigen Leichenpredigt der frühen Neuzeit*. Köln: Schwarz.
9. Lenz, R. (1990) *De mortuis nil nisi bene? Leichenpredigten als multidisziplinäre Quelle*. Sigmaringen: Thorbecke.
10. Lenz, R. (1990) Leichenpredigt. In: Müller, G. (Hrsg.) *Theologische Realenzyklopädie*. New York; Berlin: de Gruyter. pp. 697–699.
11. Eybl, F.M. (2001) Leichenrede. In: Ueding, G. (Hrsg.) *Historisches Wörterbuch der Rhetorik*. Bd. 5. Tübingen: Academic. pp. 145–151.
12. Pritchard, P. (2017) “Speaking Well of the Dead”. Characterization in the Early Modern Funeral Sermon. In: Steinby, I. & Makikalli, A. (eds) *Narrative Concept in the Study of Eighteenth-Century Literature*. Amsterdam: Amsterdam University Press. pp. 249–268.
13. Koslofsky, S. (2000) *The Reformation of the Dead. Death and Ritual in Early Modern Germany, 1450–1700*. London: Palgrave Macmillan UK.
14. Prokop'ev, A.Yu. (2003) “Zur letzten Ehre”. Pogrebal'naya obryadnost' protestantskikh dvorov Germanii v Rannee Novoe vremya [“Zur letzten Ehre”. Funeral rituals of the Protestant courts of Germany in the Early Modern period]. In: *Universitetskiy istorik: Al'manakh* [University historian: Almanac]. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 85–112.
15. Nikolaev, S.I. (1996) *Literaturnaya kul'tura Petrovskoy epokhi* [Literary culture of the Petrine era]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
16. Ustryalov, N.G. (1858) *Istoriya tsarsvovaniya Petra Velikogo* [History of the reign of Peter the Great]. Vol. 3. St. Petersburg: Tip. II-go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kantselyarii.
17. Yuhimenko, E.M. (2008) *Literaturnoe nasledie Vygovskogo staroobryadcheskogo obshcheshchitel'stva* [Literary heritage of the Vygovsky Old Believer community]. Vol. 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
18. Zhuravel', O.D. (2009) “Pokhodim umnym ochima...” (k izucheniyu traditsii pominoventiya v literature staroobryadchestva) [On the study of the tradition of commemoration in the literature of the Old Believers]. In: *Ural'skiy sbornik: istoriya, kul'tura, religiya* [Ural collection: History, culture, religion]. Vol. 7 (2). Yekaterinburg: Ural State University. pp. 134–144.
19. Ageeva, E.O. (2001) [Petersburg mourning ceremony of the Romanov dynasty at the beginning of the 18th century]. *Fenomen Peterburga* [Phenomenon of St. Petersburg]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentr “Blits”. pp. 491–505. (In Russian).

20. Wortman, R.S. (2002) *Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoy monarkhii* [Scenarios of Power: Myths and Ceremonies in Russian Monarchy]. Vol. 1. Moscow: OGI.
21. Prokop'ev, A.Yu. (2006) [The Burial of Peter the Great: Protestant Standard in Orthodox Russia]. *Severnaya voyna, Sankt-Peterburg i Evropa v pervoy chetverti XVIII v.* [The Great Northern War, St. Petersburg and Europe in the First Quarter of the 18th Century]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 47–67. IRR
22. Aronova, A. (2007) *Imperatorskiy final: Pogrebenie Petra I kak poslednee pridvornoe torzhestvo gosudarya-reformatora* [Imperial finale: The burial of Peter I as the last court celebration of the sovereign-reformer]. *Iskusstvoznanie*. 3–4. pp. 108–142.
23. Prokopovich, F. (1979) *Filosofs'ki tvori* [Philosophical works]. Vol. 1. Kyiv: Naukova dumka.
24. Kochetkova, N.D. (1974) *Oratorskaya proza Feofana Prokopovicha i puti formirovaniya literatury klassitsizma* [The oratorical prose of Feofan Prokopovich and the ways of forming the literature of classicism]. In: *XVIII vek* [The 18th century]. Vol. 9. Leningrad: Nauka. pp. 50–80.
25. Prokop'ev, A.Yu. (2017) 1725 god i opyt memorial'nykh izdaniy v Rossiyskoy imperii [1725 and the experience of memorial publications in the Russian Empire]. *Rossiyskaya istoriya*. 3. pp. 59–79.
26. Prokopovich, F. (1961) *Sochineniya* [Writings]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
27. Sofronova, L.A., Lipatov, A.V. & Rogov, A.I. (1982) *Barokko v slavyanskikh kul'turakh* [Baroque in Slavic cultures]. Moscow: Nauka.
28. Paramonova, M.K. (2016) *Zhanr nadgrobного слова v russkoy oratorskoy proze vtoroy poloviny XVIII v.* [Genre of the eulogy in Russian oratorical prose of the second half of the 18th century]. *Litera*. 4. pp. 17–23.
29. Anon. (1725) *Opisanie poryadka, derzhannogo pri pogrebenii blazhennyya vysokoslavnyya i vechno dostoinishiya pamyati vsepresvetleishago derzhavneishago Petra Velikago, imperatora i samoderzhitsa vsrossiyskogo i blazhennyya pamyati Eya Imperatorskogo Vysochestva gosudaryni tsesarevny Natalii Petrovny* [Description of the procedure of the burial of the most glorious sovereign Peter the Great, the emperor and autocrat of all Russia, blessed, highly glorious and eternally worthy of memory, and of Her Imperial Highness, Tsarina Tsesarevna Natalia Petrovna]. St. Petersburg: Pri Senate.
30. Prokopovich, F. (1831) *Kratkaya povest' o smerti Petra Velikago, imperatora vsrossiyskogo* [A Brief Tale of the Death of Peter the Great, Emperor and Autocrat of All Russia]. St. Petersburg: Tip. I. Glazunova.
31. Loparev, Kh.M. (1914) *Grecheskie zhitiya svyatykh VIII–IX vekov: opyt nauchnoy klassifikatsii pamyatnikov agiografii s obzorom ikh s tochki zreniya istoricheskoy ili istoriko-literaturnoy* [Greek Lives of Saints of the 8th–9th Centuries: An Experience of Scientific Classification of Hagiographic Monuments with Their Review from a Historical or Literary Historical Perspective]. Pt. 1. Petrograd: Imperial Academy of Sciences.

Информация об авторе:

Надточий Е.Е. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета (Томск, Россия); преподаватель кафедры журналистики и литературоведения Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия). E-mail: nadtokaterina@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Nadtochi, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); lecturer, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: nadtokaterina@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.05.2021;
одобрена после рецензирования 22.09.2021; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted 24.05.2021;
approved after reviewing 22.09.2021; accepted for publication 20.05.2022.